

Военные (А.Н. Куропаткин – осторожно, а Н.И. Гродеков – прямо) стремились к территориальным приобретениям и интересовались не столько контрибуцией, сколько возможностью разместить русские войска в Маньчжурии на неопределённое время. Н.И. Гродеков также хотел бы подчинить себе всех маньчжурских цзянь-цзюней для удобства командовать ими напрямую и без всякого участия Пекина⁷². Можно сказать, что они мечтали об аннексии Маньчжурии, но пока боялись произносить это слово вслух.

С.Ю. Витте, понимая опасность генеральских желаний, старался по мере возможности противодействовать им. Он считал недопустимым напрямую руководить китайскими губернаторами, вообще выступал против чрезвычайных мер, но ему пришлось признать: «Оккупация эта, несомненно, может затянуться на многие годы»⁷³. Несмотря на утверждение министра финансов, что «Россия Маньчжурию брать не предполагает»⁷⁴, он же почти одновременно заявлял: «Маньчжурию мы оставим лишь тогда, когда всё успокоится и все наши требования будут выполнены»⁷⁵. «Когда всё успокоится» – означало неопределённо долгий срок, так как конца китайской смуты ожидали не ранее, чем через десятилетия. Эти фразы С.Ю. Витте оставляют впечатление противоречивости и отсутствия у него ясной и чёткой позиции и в конце 1900 г.: противопоставить прямым решениям военных ему оказалось нечего. Однако министр финансов сохранял весьма значительное влияние на дальневосточные дела, поэтому в правилах русского правительственного надзора в Маньчжурии нашла отражение прежде всего его позиция: генералы получили право лишь «общего наблюдения», а не руководства действиями цзянь-цзюней и фудутунов, для чего при китайских чиновниках учреждались должности русских дипломатических агентов⁷⁶.

8.4. Договоры русских властей с цзянь-цзюнями

Можно предположить, что инициатором сепаратного соглашения России и Китая выступил не Петербург, а Пекин. Конечно, сделал он это не открыто, а подсказывая подобную идею русским дипломатам и эмиссарам вроде князя Э.Э. Ухтомского. Пекинские правители также опасались, что Россия в любой момент могла ввести собственную администрацию в Маньчжурии⁷⁷. Поэтому

---

⁷² Телеграмма Н.И. Гродекова А.Н. Куропаткину 10 октября 1900 г. // Там же. Д.763. Л.226 об. – 227 об.

⁷³ С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину 25 октября 1900 г. // Там же. Л.228–232.

⁷⁴ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 23 ноября 1900 г. // Там же. Д.196. Л.30.

⁷⁵ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилову 25 октября 1900 г. // Там же. Л.14.

⁷⁶ Правила русского правительственного надзора в Маньчжурии, утверждённые журналом Особого совещания 31 октября 1900 г. // Там же. Д.763. Л.233 об. – 235 об.

⁷⁷ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.127.

их очень тревожили контакты российских военных с местными китайскими чиновниками. Последние же оказались в самом сложном положении, обречённые на то, чтобы лавировать между желаниями русского командования и Пекином. Отношение цзянь-цзюней к боксёрам и русским нельзя назвать однозначным. Хэйлуңцзянский губернатор (с февраля 1900 г.) Шоу Шань, ненавидевший всё иностранное, ещё до начала восстания уже собирал вокруг себя силы для борьбы с русскими⁷⁸. Напротив, мукденский цзянь-цзюнь Цзен Ци был настроен дружелюбно, но как человек слабохарактерный, зависел от своего окружения, среди которого также имелись враги иноземцев. Наконец, ги́ринский губернатор Чан Шунь искренне желал добрососедства с Россией и во время боксёрского восстания проявил «особенно корректное отношение к русским»⁷⁹. Но вне зависимости от взглядов, всем им пришлось устанавливать отношения с русскими военными.

Контакты на местном уровне по частным вопросам начались в августе 1900 г. В сентябре 1900 г. Е.И. Алексеев и Н.И. Гродеков получили из Петербурга разрешение вступать в переговоры с цзянь-цзюнями⁸⁰. У местных китайских властей имелось очень мало возможностей для манёвра, поэтому они фактически действовали под диктовку российских военных. Они не могли даже поддерживать порядок на подведомственной им территории. Так, уже 21 октября 1900 г. мукденский цзянь-цзюнь направил депутацию к Е.И. Алексееву, прося содействия в умиротворении провинции на условиях вице-адмирала. Не удивительно, что российские должностные лица стремились использовать ситуацию, чтобы добиваться тех целей, которые они, по-видимому, ставили перед собой сами. М.Н. Гирс в декабре 1900 г. предлагал заключить с Китаем особое соглашение помимо переговоров в составе коалиции победителей с тем, чтобы гарантировать России концессии на разработку природных богатств в Северном Китае⁸¹. Впрочем, Е.И. Алексеев к этому времени уже ввёл в нескольких китайских городах русское военное управление, учредил должности военных комиссаров и т.д. То есть, он пошёл дальше присланных ему инструкций: вместо восстановления прежней

⁷⁸ Дацышен В.Г. Шоу Шань // Вопросы истории. 1998. №4. С.154–155. Потерпев полное поражение от русских войск в середине августа 1900 г., он покончил жизнь самоубийством.

⁷⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.91; Пролог... С.138. Чан Шунь с 1879 г. служил на сопредельных с Россией территориях – в Маньчжурии, в Синьцзяне. Ги́ринским цзянь-цзюнем он стал в 1899 г., на этой должности чиновник и умер в феврале 1904 г. (Нилус Е.Х. Указ. соч. С.196).

⁸⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 11 сентября 1900 г. // Коростовец И.Я. Указ. соч. С.120.

⁸¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 5 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д. 196. Л.47–62; Д.868. Л.96–101.

администрации он начал замещать её русскими чиновниками, не имея желания возратить власть китайцам⁸².

Кроме того, у местных управленцев была и другая причина стремиться к контактам с русскими – это поиск денег. С конца 1900 г. они обращались в Русско-Китайский банк за займами. Первым был, кажется, также мукденский цзянь-цзюнь, которому пообещали кредит в 200 тыс. лан⁸³. Но денег он так и не получил, поэтому в январе 1901 г. попросил о них снова, на сей раз – уже 300 тыс.⁸⁴ С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейн не отказали губернатору, но потребовали от него гарантий. 9 февраля 1901 г. министр финансов получил разрешение Николая II на выдачу 1 млн. руб. в виде займов мукденскому и гирынскому цзянь-цзюням под обеспечение доходами их провинций и с поручительством Пекина его долей в уставном капитале Русско-Китайского банка (5 млн. таэлей)⁸⁵. История с финансированием из русской казны местных китайских властей не имела развития: категорически против подобных просьб местных китайских администраторов выступил Ли Хунчжан (по его мнению, они проявляли чрезмерную самостоятельность от Пекина и попадали в зависимость от русских да ещё и делали долги, ответственность по которым в конечном счёте ложилась на правительство). Это не помешало гирынскому цзянь-цзюню запросить у Русско-Китайского банка 1100 тыс. лан. Он не без изрядной доли цинизма говорил русским: «если желаете управлять через моё посредство, то вы должны доставить мне и все необходимые для сего средства, в противном же случае я отказываюсь, вам придётся допустить дальнейшее господство нелюбимой управлением дороги солдатчины или же разыскать другое средство остаться негласными хозяевами Маньчжурии»⁸⁶.

Тут уже не выдержал рачительный А.Ю. Ротштейн: «нельзя давать займы каждому»⁸⁷. В итоге Министерство финансов ответило гирынскому и хэйлунцзянскому (также обратившемуся за деньгами) цзянь-цзюням, что хотело бы получить от них в качестве ответной любезности ряд концессий на имя банка или дороги для разработки золота, угля, леса и т.п. и вообще закрепить

⁸² Впервые тревогу у иностранцев вызвала публикация в «Амурской газете» от 4 августа 1900 г. правил управления Маньчжурией, принятых генерал-губернатором Амурской области Н.И. Гродековым. Они устанавливали там юрисдикцию российских чиновников без ограничения срока. Английский посол Ч. Хардинг расценил это как намерение не выводить русские войска с китайской территории (Ч. Хардинг – Р. Солсбери 1 октября 1900 г. // PRO FO. 65/1601. P.99).

⁸³ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 8 декабря 1900 г.; А.Ю. Ротштейн – Д.Д. Покотилову 8 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.883. Л.1, 2.

⁸⁴ И.Н. Протасьев – в Министерство финансов 8 января 1901 г. // Там же. Л.10.

⁸⁵ Там же. Л.89.

⁸⁶ А.Э. Дмитриев-Мамонов – А.Ю. Ротштейну 12 апреля 1901 г. // Там же. Д.868. Л.153 об.

⁸⁷ Д.Д. Покотилов – А.Ю. Ротштейну 22 февраля 1901 г. // Там же. Л.107.

за Русско-Китайским банком право их первоочередного получения (кажется, это прозвучало впервые)⁸⁸. В дальнейшем С.Ю. Витте предполагал продать их предпринимателям и акционерным обществам, в том числе и иностранным⁸⁹. История завершилась предоставлением двух небольших займов мукденскому цзянь-цзюню⁹⁰, причём о выдаче второго, в 200 тыс. лан, просили князь Цин и Ли Хунчжан⁹¹.

Параллельно шли переговоры и заключались соглашения между местной китайской администрацией и российскими официальными лицами. Первое из них, состоявшее из 9 статей, было подписано И.Я. Коростовцом и посланцем мукденского цзянь-цзюня Чжоу Мынем 27 октября 1900 г.⁹² Для китайского губернатора самым важным было то, что власть в провинции возвращалась ему (и Пекин не мог не приветствовать этого). Но цзянь-цзюнь лишился права держать регулярную китайскую армию, в соглашении узаконивалось пребывание в Маньчжурии русских войск, а также существование русской администрации в отдельных городах (в частности, в Инкоу). Китайская администрация оказалась весьма ограничена в возможностях, тем не менее, на неё возложили ответственность за порядок и спокойствие на КВЖД. Коварство состояло ещё и в том, что в случае необходимости ей предписывалось обращаться за содействием к русским властям⁹³. Несмотря на то, что соглашение называлось временным, никакой даты прекращения его действия и срока вывода русских войск не устанавливалось, это не могло понравиться Пекину⁹⁴. Конечно, такой договор был в большей степени выгоден Е.И. Алексею: он узаконивал оккупацию Маньчжурии. Юридически текст оказался составлен очень грамотно: ни одна из держав не могла возразить против такого документа по существу. Не удивительно, что подписание этого соглашения вызвало бурю недоволь-

⁸⁸ И.П. Шипов – Д.Д. Покотилу 6 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.66. Л.153–154; Романов Б.А. Указ. соч. С.326–327.

⁸⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.379.

⁹⁰ До этого мукденский цзянь-цзюнь, по сведениям Ли Хунчжана, получил от банка 80 тыс. лан (Д.Д. Покотилу – А.И. Путилову 12 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.883. Л.91).

⁹¹ Обращение князя Цина и Ли Хунчжана в Русско-Китайский банк 25 февраля 1901 г. (русский перевод) // Там же. Д.868. Л.147.

⁹² 13 ноября 1900 г. в Синминтине это соглашение подписал сам цзянь-цзюнь (Симанский П.Н. Указ. соч. С.113–114). Не этот ли Чжоу Мян (Мынь?) был снят с должности управляющего золотыми приисками цзянь-цзюнем Хэйлуцзянской провинции Шоу Шанем за коррупцию? Позднее он возглавил лесопромышленную компанию КВЖД (Дацзышен В.Г. Шоу Шань // Вопросы истории. 1998. №4. С.154).

⁹³ Текст соглашения см: Симанский П.Н. Указ. соч. С.113–114; Романов Б.А. Указ. соч. С.267–268.

⁹⁴ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.126–130.

ства губернатором как в его окружении, так и в столице. Это лишало Пекин возможности столь любимых им манёвров⁹⁵. Ли Хунчжан вообще объявил, что начинается раздел империи. За подписание договора цзянь-цзюнь был отстранён от должности и вызван для суда над ним в Пекин. Лишь заступничество российского посланника спасло чиновника: его оставили на посту, строго предупредив, чтобы он не совершал более «глупых ошибок»⁹⁶. Аналогичное соглашение почти одновременно, но без скандала, Н.И. Гродеков заключил с гиринским цзянь-цзюнем.

8.5. Первый вариант сепаратного соглашения

Словно придерживаясь определённого плана, в самом конце 1900 г. российское руководство, заключив соглашения с губернаторами, приступило к обсуждению контуров сепаратного договора с Пекином. Ещё в ноябре 1900 г., когда Ли Хунчжан пытался выведать у С.Ю. Витте требования России к Китаю, министр финансов ответил ему, что их обусловят требования «союзников»: «Сепаратный договор мы не можем заключить, не зная, что будут делать другие державы, ибо иначе свяжем себе руки»⁹⁷. С.Ю. Витте, вероятно, старался избежать таким образом ловушки, приготовленной для России Пекином, но он всё-таки выступал за продолжение тайных переговоров, полагая, что их главным предметом должна была стать судьба Маньчжурии. Показательно, что разработка проекта соглашения оказалась в руках С.Ю. Витте, а не Министерства иностранных дел, новый руководитель которого В.Н. Ламздорф занимал пассивную позицию относительно Дальнего Востока⁹⁸. В конце 1900 г. С.Ю. Витте поменял своё мнение, решив, что се-

---

⁹⁵ Впрочем, возможности эти оставались, просто Пекин их не заметил. Дело в том, что переговоры с китайской администрацией, к примеру, в той же Гиринской провинции пытались одновременно вести пять самостоятельных инстанций: командир 2-го Сибирского корпуса, военный комиссар, дипломатический агент, представители КВЖД и Русско-Китайского банка (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.14. Л.119). Никакого согласования действий между ними не было, поэтому китайские власти при известной ловкости могли бы воспользоваться таким «многouverластием».

⁹⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 января 1901 г. // Там же. Д.868. Л.149; Симанский П.Н. Указ. соч. С.114–115.

⁹⁷ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 10 и 15 ноября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.22, 26.

⁹⁸ Финансовый агент Министерства финансов в Лондоне С.С. Татищев спросил у С.Ю. Витте: «Как можете Вы, Сергей Юльевич, идти рука об руку с таким бездарным человеком, как граф Ламздорф? – С нетерпением Витте его перебил: «Ламздорф – единственный министр, который меня не травит»» (Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С.372).